

Сергей Осташко

Бабушка и другие

Интересно иногда порыться в глубинах собственной памяти – узнаешь поразительные вещи.

Например, я прекрасно помню, как мы с бабушкой гуляли на бульваре – и вдруг над морем вспыхнул удивительный салют. Белые, красные, синие, зеленые звезды вздымались в небо и встраивались в силуэты судов, стоявших в порту и на рейде. Мы с бабушкой стояли как замороженные и смотрели на это огненное чудо. Уже совсем взрослым, лет в шесть, я спросил бабушку, что это был за праздник.

– Ты не можешь его помнить, – поразилась бабушка, – ведь это был салют в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Мне было тогда год и девять месяцев.

Бабушка Варя в раннем детстве была для меня самым близким человеком. Я ни разу в жизни не назвал ее «баба», только «бабушка». Помню, как я терпеть не мог вопроса взрослых: «Ты кого больше любишь, маму или папу?». Я обычно отвечал: «Бабушку», – и это было абсолютно искренне.

Жила бабушка отдельно, но все время, пока мама и папа были на работе, проводила у нас: возилась со мной, кормила, гуляла, готовила, стирала.

В новогоднюю ночь, когда родители уходили к друзьям, она оставалась у нас, и часов в девять мы с ней вдвоем садились за стол встречать Новый год. Винегрет, холодец, селедочка, маслины, которые я в детстве терпеть не мог, но в эту праздничную ночь ради бабушки ел, потому что она говорила, что они очень полезны. И обязательно маленькая рюмочка вишневого наливки.

Помню, как чуть постарше она приучила меня к блюду, которое я люблю до сих пор. Обычно это происходило так. У нас был классический диван с откидными валиками и высокой спинкой с полочками для слоников. Слоников у нас никогда не было, а на валике я любил сидеть и читать. И вот где-то посередине между обедом и ужином я сижу, читаю и, дождавшись, когда бабушка зайдет из кухни, говорю:

– Бабуля, ты знаешь, мне хочется чего-то вкусенького.

– Сейчас дам, – отвечает она, уходит на кухню и возвращается с большим куском белого хлеба, намазанным толстым слоем базарного крестьянского масла, на котором лежат густо посоленные кружки белого репчатого лука.

Казалось, в детстве я ничего вкуснее не ел. Да и вкус настоящего базарного крестьянского масла помню с тех пор.

На базар, или, как бабушка чисто по-одесски говорила: «делать базар», мы всегда ходили вместе. И даже не потому, что меня нельзя было оставить дома, а потому, что я это дело обожал. Я до сих пор могу часами ходить по продовольственному рынку, пробуя, торгуясь, просто разговаривая с продавщицами. А вот на протомварном одесском толчке уже через полчаса зверею, и если за это время ничего не нашел – ухожу, чертыхаясь.

Это бабушка научила меня пробовать сметану на базаре: протягиваешь торговке тыльную сторону ладони, та чайной ложечкой капает в ложбинку между большим и указательным пальцем вкуснющий продукт, и ты его с наслаждением слизываешь.

Это бабушка научила меня торговаться на базаре. До сих пор удивляюсь, как она, тихая и интеллигентная в обычной жизни, своим тихим интеллигентным голосом умела сбить цену вдвое.

Это бабушка изобрела оригинальный способ кормления капризного внука, вошедший в семейные легенды под кодовым названием «Дядя Гриша, бомкайте!».

Когда я сильно не хотел есть «чрезвычайно полезную манную кашу», которую я терпеть не мог даже ради бабушки, она сажала меня за стол, приглашала соседа дядю Гришу, просила его залезть на стул (бабушку Григорий Львович уважал и отказать ей не мог), вручала ему чайную ложку и говорила: «Дядя Гриша, бомкайте!».

У нас тогда вместо люстры висел белый стеклянный абажур от настольной лампы. Дядя Гриша ударял ложечкой по абажуру, сверху раздавался мелодичный «бом», я смотрел на звук, в забывчивости раскрывая рот, куда бабушка немедленно всовывала ложку. Но, видимо, нота ля второй октавы от стеклянного абажура мне нравилась настолько, что «дядя Гриша, бомкайте» повторялось до тех пор, пока тарелка с кашей не пустела.

Помню, когда родители, вернувшись с работы, в первый раз увидели эту процедуру, с ними случалась истерика. Впрочем, та самая нота ля второй октавы – единственное светлое место в моих отношениях с миром музыки. Я до сих пор не могу отличить эту ноту от, например, «Танца с саблями» Арама Хачатуряна. Но петь я всегда любил, чем уже в студенчестве изводил своих друзей. Да и в детстве использовал любую возможность, чтобы проявить свои вокальные данные. Например, когда меня, как обычно на днях рождения, просили прочесть стихотворение, я взгромождался на табуретку и... самозабвенно орал: «Эх, и за борт ее бросает в набежавшую волну». До сих пор помню полные ужаса глаза моего троюродного брата Жени, обладающего абсолютным слухом, и его фразу: «Ну Сережка дает!».

И еще одно воспоминание раннего детства. Была у бабушки подружка тетя Катя – бывшая балерина. Папа ее почему-то недолюбливал, поэтому она предпочитала приходить в гости днем, когда он был на работе. Как всякая представительница богемы, тебя Катя довольно свободно обращалась с русским языком. Нет, не матюкалась, но меня, например, ласково называла «сукин сын». Я по малости лет считал это чем-то вроде комплимента и однажды по возвращении отца решил сделать этот комплимент ему. Разговоров было...

Не помню, но вполне возможно, именно из-за этого случая закончился мой трогательный дуализм с бабушкой. Когда мне стукнуло три года, папа выписал из его родного села мою двоюродную сестру Веру, которой было пятнадцать лет.

– Пусть поживет в городе, приобретет специальность. Нечего ей в селе делать, – сказал он маме.

И мои следующие детские воспоминания связаны как раз с Верочкой.

Приближается время обеда. На всю улицу, начиная от садика, где сестра меня обычно выгуливала, раздается дикий детский рев.

– Что с ребенком? – пугаются прохожие. – Может быть, в скорую?

– Ничего страшного, это он с прогулки возвращаться не хочет, – объясняет Вера и подхватывает меня под мышку.

Рев становится все громче и громче, и на балкон выскакивает бабушка:

– Я так и знала, что это не пожар, а наши с гуляния возвращаются, – всплескивает руками она и бежит вниз, чтобы помочь втащить меня в дом.

К периоду, когда в нашей семье появилась Вера, относятся мои первые попытки творчества. Очевидно, под воздействием рассказов сестры я, никогда не бывавший нигде дальше Лузановки, начал сочинять истории из цикла «Как я жил в деревне». «Ты дививенская девочка, я дививенский мальчик», – говорил я.

Истории получались довольно забавные, и сестра до сих пор жалеет, что не записывала их.

Следующее воспоминание связано с тем, что я очень долго не выговаривал букву «р». Сколько я ни пытался сказать ключевые слова «рыба», «рак», «арбуз» – у меня ничего не получалось. Единственное, где у меня четко прослушивалась непокорная буква, было слово «берльё». В смысле «белье». Перенести ее в другие фонетические конструкции никак не удавалось. Мама даже хотела пригласить логопеда, но бабушка не дала.

– Нечего ребенку дикцию портить, – заявила она. – И так все исправится.

И действительно, однажды у меня получилось. Как сейчас помню, я, только что проснувшийся и еще не одетый, прыгаю по кроватке и на все лады декламирую: «рыба», «рак», «арбуз», «карасть». А вокруг меня прыгают и радуются бабушка Варя и сестричка Вера, вызванные из кухни мощным криком: «Ур-р-р-р-р-р-ра!».

Как сейчас помню момент, когда я первый раз самостоятельно поплыл. А вот сколько мне тогда стукнуло – три с половиной года? Четыре с половиной? Не помню!

Это был последний теплый день лета, и мы выбрались к морю. Папа с друзьями заехал за нами на казенной «Победе», и мы пое-

хали закрывать купальный сезон в начало Лузановки. Там еще не было ни дома Павлова, ни стадиона «Продмаша», ни даже поселка Котовского на горизонте. Просто от шоссе к кромке воды вела грунтовка.

Я тогда уже знал теорию и мог при поддержке снизу проплыть несколько метров. Но как только из-под пуза уходила надежная мамина рука, я тут же шел ко дну.

И вот родители с друзьями сидят на подстилке, а я вожусь рядом в полосе прибоя, где море по колено. И вдруг ощущаю в кулачке шевеление. Разжимаю – а там малюсенький бычок.

Радости моей не было предела. «Мама, папа, я рыбку поймал!» «Да какая там рыбка!» – взрослым явно не хотелось отвлекаться на фантазии дитяти.

«Да вот же, вот!» И, чтобы было лучше видно, кладу рыбку на воду.

Сами понимаете, что бычок сей же час махнул хвостиком и был таков. А мне стало так обидно, что я бросился в погоню. Поймать я его, естественно, не поймал, но когда понял бессмысленность дальнейшего преследования, оказалось, что отплыл от родителей метров на пятнадцать. Это было последнее мое купание в том году. А на следующий год я сразу взял и поплыл к буйку, за что первое купание сезона чуть не превратилось в последнее.

Помню, что зубики у меня начали резаться рано. И выпадать тоже. Первый выпал, когда мне было года четыре. Вернее, не выпал, а его мне выбил брат Валерий, приехавший в отпуск из Москвы.

Опять яркое воспоминание. Валера лежит на том самом диване с валиками и читает синий том собрания сочинений Гоголя, а я копошусь рядом и ему мешаю, канюча и предлагая поиграть. А поиграть – это значит строить катакомбы из стульев, накрывать их покрывалом и ползать внутри, отстреливаясь друг от друга и изображая партизан. Это мне только что прочли книгу о Яше Гордиенко.

Довольно плотному Валере ползать между ножками стула, естественно, не хочется, и он вяло отмахивается от меня сначала рукой, а потом и книгой. И в какой-то момент тяжелый том ударяет мне по зубу и выбивает его.

Я не помню, было ли мне тогда больно, но этот первый выпавший (выбитый) молочный зуб потом долго хранился в отдельной коробочке на комодe.

Ну и чтобы не заканчивать детские воспоминания выбитым зубом, несколько более поздних, но все равно ранних воспоминаний, связанных уже с алкоголем.

Собственно, меня в этом смысле никогда не третировали. В детстве считалось, что у меня слабые легкие, а самым популярным лечением тогда были пивные дрожжи, которыми меня потчевали несколько лет подряд. Да и само пиво, извините за каламбур, пивал-с. Родители оба его любили и на совместной прогулке обязательно позволяли себе по бокалу, при этом давая глотнуть и мне.

– Что ты волнуешься? – успокаивал папа маму. – В твоих дрожжах гораздо больше градусов, чем в этом разбавленном напитке.

Я даже помню ту будочку, где я попробовал пиво в первый раз. Она до сих пор работает в парке Шевченко, встроенная в забор обсерватории.

Про вишневую наливочку я уже рассказывал, а на взрослых днях рождения мне, как правило, давали лизнуть вина.

Помню, что ром я в первый раз попробовал (и он мне понравился) на свадьбе своей другой сестры – двоюродной – Лили. А недавно выяснил, что она выходила замуж в 1964 году. То есть мне тогда было двенадцать лет.

Ну и самое последнее, на этот раз неприятное воспоминание, относится к моему девятому классу. Дело было на даче на дне рождения отца. Я уже взрослый – шестнадцать лет как-никак – сижу за общим столом и вместе со всеми поднимаю первый тост «За нашего дорогого именинника» водкой. Водка попадает не в то горло, я лихорадочно ищу, чем бы запить, хватаю наполовину заполненный прозрачной жидкостью стакан, пью и понимаю, что в стакане был чистый спирт.

До сих пор я водку никогда не запиваю.

